

Сергей Дементьев. Муром. 1924 г. МИХМ

Сергей Дементьев

ДНЕВНИК ВОЕННОГО ВРАЧА

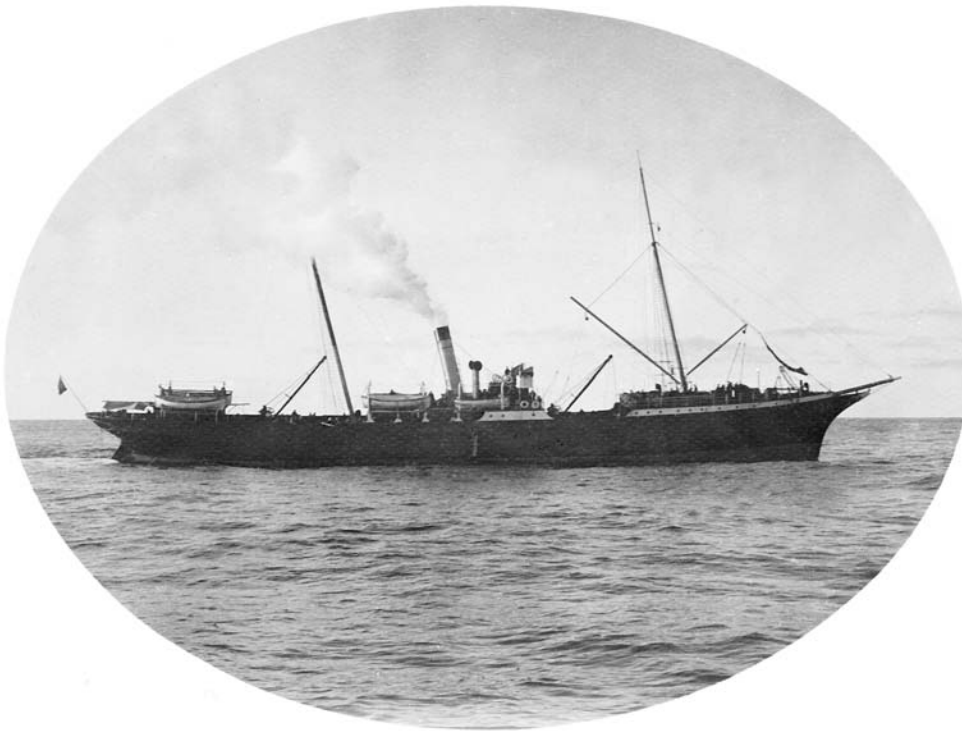
В 2009 г. в альманахе был опубликован очерк В. Григорьева «Фотографии военного врача» о Сергее Алексеевиче Дементьеве и его фотографии 1909–1913 гг. Нам казалось, что вся информация об этом человеке исчерпана. Но пришёл отклик из Муромского историко-художественного музея (МИХМ), где хранится дневник С.А. Дементьева с описанием одной из экспедиций Дирекции маяков и лоций Белого моря на судне «Савватий» по маякам Белого моря в 1910 г. Предоставляем его вашему вниманию.

От редакции

Вступление

Две идентичные по содержанию машинописные копии дневника поступили в МИХМ в 1969 г. от семьи Сергея Алексеевича Дементьева (1880–1968)¹. Сергей Алексеевич — уроженец Петербургской губернии, сын ветеринарного помощника. Обучался в Императорской Военно-медицинской академии. С третьего курса в летнее время заведовал химико-физической лабораторией при Старорусских минеральных водах. В июне-октябре 1908 г., во время эпидемии холеры, служил санитарным врачом водных путей Петербурга. По окончании академии 15 ноября 1908 г. был произведен в степень лекаря («за пользование стипендией военного ведомства был обязан прослужить четыре года»). С октября 1909 г. — младший врач Архангельского дисциплинарного флотского полуэкипажа, где работал в лазарете, и одновременно исполнял обязанности врача Дирекции маяков и лоций Белого моря. В 1909–1913 гг. участвовал в морских экспедициях по изучению и освоению северных широт. В одном из походов, спеша на помощь

¹ МИХМ. ММ 3541/1. Машинопись. 2.10.1910 г. — Строки расположены через полтора интервала на одной стороне листов мелованной почтовой бумаги с водяными знаками «Postpapier ligat-MUNLE». Листы (21,7 × 55,4 см) сложены пополам поперек. Пакетами по 3–4 полных листа вставлены друг в друга. В некоторых пакетах присутствуют и разрезанные пополам листы. Судя по компоновке текста и пакетированию, машинопись предполагалось переписать. В тексте — 38 листов. Нумерация карандашом присутствует только на втором и третьем листах. Первый лист сильно обтрепан снизу, есть следы засиженности насекомыми. Последний лист оборван в правом нижнем углу. Имеется рукописная правка: одним почерком, перьевой ручкой, синими и черными чернилами; ММ 35 520/2 Машинописная копия. 1960-е гг. — Строки расположены через полтора интервала на одной стороне отдельных листов писчей бумаги размером 21 × 30 см. С правой стороны листов простым карандашом отчерчены поля. В машинописи 37 пронумерованных листов. Правка в тексте отсутствует.

Пароход «Савватий», экспедиционное судно Дирекции маяков и лоций Белого моря. 1910-е гг.

Из архива В. Григорьева

рожице, застудил легкие. В августе 1914 г. по состоянию здоровья уволен с военной службы. Северный климат осложнял болезнь, и в 1918 г. С.А. Дементьев с семьей переехал в Муром. Был врачом Муромской линии железной дороги. Участвовал в комиссии при военкомате, консультировал в военном госпитале, патронировал детский дом. В 1919 г. создал амбулаторию при станции Муром, работал начальником терапевтического отделения, амбулатории и железнодорожной больницы. С 1926 г. — председатель научного общества врачей в Муроме.

Владел французским и немецким языками, писал маслом, рисовал акварелью и пером.

В 1913 г. награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия Дома Романовых, в 1942 г. — орденом «Знак почета», в 1946 г. — медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», в 1952 г. — орденом Ленина.

При подготовке к печати записок Сергея Алексеевича Дементьева пунктуация исправлялась в соответствии с современными правилами грамматики. Длинные речевые периоды разделены на короткие предложения и абзацы. Текст дневника сопровождается фотографиями, предоставленными Муромским историко-художественным музеем, его внуком В. Григорьевым (Москва) и коллекционером А. Сидоровым (Архангельск). Часть из них принадлежит Сергею Алексеевичу Дементьеву.

Публикация Юрия Смирнова и Евгении Сазоновой

Сазонова Евгения Ивановна

Окончила Горьковский государственный университет им. Н.Н. Лобачевского. Музейный работник с 1977 г. Специалист по материальной культуре города, автор более 30 научных публикаций. Зав. сектором научной работы МИХМ, кандидат исторических наук.

Смирнов Юрий Михайлович

Родился в 1952 г. в Ленинакане Армянской ССР. Учился в Саратовском, Горьковском и Таджикском государственных университетах. Историк. Опубликовал более 100 научных работ. Участвовал в 50 научных экспедициях. В Муромском музее работает с 1994 г. Редактор высшей категории научно-информационного отдела МИХМ.

Белое море. Жужмуй

2/X 1910. 12 ч. ночи

Пользуясь тем, что стоим на якоре, хочу набросать бегло впечатления дня. Сейчас дивная лунная ночь, но ревет ветер, «Савватий»² наш переваливается сбоку на бок, кругом — все спят и только [вписано штурман] Василий Иванович уныло расхаживает по палубе, неся свою вахту, да потрескивают балки и снасти под напором крепнущего СВ [вписано (SW)]³. Около часу торчал на капитанском мостике, любуясь окружающею обстановкой, а она действительно хороша. Кругом тьма, с шумом набегающие волны кажутся какой-то стоящей [зачеркнуто, вписано смоляной] массой, и только в лучах луны, где они, загораясь каким-то фосфорическим блеском, рассыпаются мириадами брызг, можно убедиться, что перед тобой водная стихия, стихия вечно волнующаяся, не знающая покоя ни на минуту, вечно поющая свою песню «мощи и свободы». Вдали — милях в двух — яркой путеводной звездой горит маяк; к северу от нас — какое-то небольшое промысловое суденышко, расположившееся на ночь под гостеприимным кровом маячного огонька. Очевидно, волнами его здорово покачивает — сигнальный фонарь, поднят[ый] на мачте, с накреном судна то исчезает, то снова загорается в мираже [зачеркнуто; вписано мраке] ночи. Что это [зачеркнуто; вписано кто они — эти странники], откуда они [зачеркнуто], куда держат путь — неизвестно, но в данную минуту мы — невольные соседи, и это присутствие невдалеке живых существ как-то особенно приятно среди пустыни моря, в осеннюю ночь с ее унылыми завываниями ветра и немолчным шумом набегающей волны.

Сегодня мы второй уже день шатаемся по морю. 30 сентября уйти не удалось из-за опоздания с погрузкой, которая окончилась лишь к 6-ти часам вечера, когда стало уже темно. Выходить из порта было нелепо: все равно пришлось бы ночевать у Удельного завода, не добравшись даже до бара — Северо-Двинского плавучего маяка. Идти же в вечернее время устьем

Двины — дело не шуточное, к тому же и погода засвежела, подумали и, несмотря на все протесты Ал. Александровича⁴ [вписано нашего милого начальника], решили отстояться до утра и тогда уже двинуться в путь-дорогу. Ночевать я все же остался на пароходе — всю ночь не мог заснуть от духоты в каюте, задремал лишь под утро — и проснулся уже в море. Был яркий солнечный день, какого мы уже давно не видали в Архангельске, но зато качка — отчаянная. Проснулся с ощущением головной боли. Попробовал подняться — не могу, в глазах какие-то круги, в ушах шум, к горлу что-то подступает — что такое, сначала даже не мог сообразить, оказывается, — просто укачало... Действительно, состояние мерзейшее, как будто бы и жив, а как будто бы и умираешь, главное же то, что совершенно не можешь встать, — только поднимешься, как в глазах все идет кругом, и снова валишься, как одурелый, на подушку. Со злости на такой аффект [зачеркнуто, вписано непредвиденный пассаж] завалился снова спать и в таком состоянии пробыл до обеда, когда, несмотря на все отвращение к пище, плотно поел, выпил даже водки, а затем снова в каюту и снова спать, тем более что интересного впереди ничего не предстояло — надвигалась тьма, ревел шторм и в перспективе у нас было бездельное [зачеркнуто, вписано безцельное] скитание по морю без какой-либо возможности подойти к маячным берегам.

Разбудили утром в 7 час., проснулся и прислушиваюсь: винт парохода работает ровно, качки почти нет, подходим к Жижгину маяку⁵, расположенному на мысе Двинской губы в 80 милях⁶ от Архангельска. Наскоро одевшись и выпив стакан чая, выбираюсь на палубу. Невеселая картина — кругом тучи и только на горизонте тянется полоса просвета, но и эта отрада не надолго — ветер с противоположной стороны, и скоро она исчезает под общим покровом хмурой северной осени. Ёжась от пронизывающего порывистого ветра, взбираюсь на капитанский мостик, где капитан отдает распоряжения в отдаче якоря. На мостике невозможно стоять, забился за тент — и оттуда выдувает, но уходить не хочется. Вот задремала

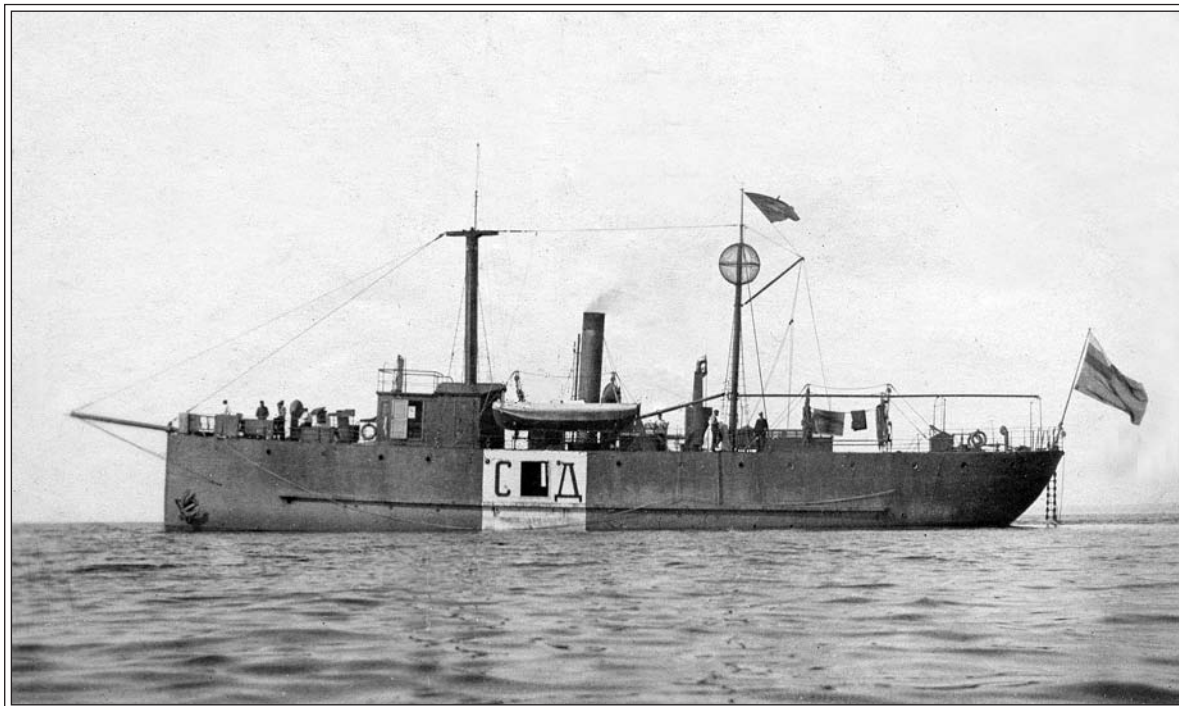
² «Савватий» — пароход 1891 г. постройки («Халштап», вместимость 475 регистровых тонн), принадлежавший крестьянину из села Патракеевка Игнатию Ивановичу Буркову, зафрахтованный Дирекцией маяков и лоций Белого моря. // Русский торговый флот на 1 января 1914 г. Справочник. СПб., 1914. С. 54–55.

³ СВ (SW) — видимо, в автографе дневника стояло краткое обозначение юго-западного ветра (SW — south-west), переданное в машинописи русскими буквами, т. к. в обычных печатных машинках использовались литеры одного алфавита. Однако в транскрипции СВ смысл менялся на противоположный — северо-восточный ветер.

⁴ Видимо, это А.А. Новаковский, контр-адмирал в отставке, распорядитель работ по постановке вех и баканов Дирекции маяков и лоций Белого моря. // Памятная книжка Архангельской губернии. 1911. Архангельск, 1911. С. 88.

⁵ Маяк построен в 1841 г. на оконечности о-ва Жижгин в виде круглой бапни желтого цвета, снабжен «туманным сигналом». // Поморская энциклопедия. История Архангельского Севера. Архангельск, 2001. Т. I. С.157–158. Описание местоположения Жижгинского маяка у автора не соответствует действительности, что заставляет предположить позднейшее редактирование дневника по памяти. — *Ред.*

⁶ Морская миля — 1852 м.

Северо-Двинский плавучий маяк. Начало XX в. Из коллекции А. Сидорова

паровая лебедка, загремела цепь, и якорь упал в воду. Быстро вертится штурвал с намотанной цепью. Якорь все более и более утягивает ее под паром, который все еще продолжает двигаться под напором течения; наконец он как-то особенно сильно вздрагивает всем корпусом и останавливается на месте — якорь зацепился за грунт на глубине 12-ти сажен⁷. Отдаем цепь «на воду» на случай приливной воды, застопориваем машину [*вписано* и спускаемся] на палубу, где уже идет работа со стороны [*зачеркнуто, вписано* спуском] карбасов. Встали мы от берега довольно далеко, верстах в 3-х⁸; ближе подойти нельзя, во-первых, подошли в отливный час, а во-вторых, здесь тянутся целые груды подводных камней, напоротся же на них — удовольствие не из приятных. Нагрузка карбасов идет быстро, и вскоре один из них уже мелькает среди вздымающихся волн. Я еду со вторым, вместе с бочками пороха для маячного туманного орудия. Вследствие большой волны трапа спустить нельзя, приходится спускаться по шторм-трапу — небольшой веревочной лесенке, перекинутой прямо с борта парохода и не достигающей даже до карбаса. Вся суть схождения по этому простому приспособлению состоит в том, что нужно, уловив момент, когда карбас подбросит волной кверху, прыгнуть вниз. При некотором навыке это вскоре же удается, но сегодня, закутавшись в зимнее пальто, в высоких сапогах,

я чуть было не пролетел мимо. Виною этому еще было то обстоятельство, что подо мною оборвалась одна из перекладин на лесенке; в общем же водворился удачно, и в следующий момент подошедшей волной мы были уже далеко отброшены от борта парохода.

В карбасе нас 8 человек: три пары гребцов, мой любимый штурман — боевой моряк Александр Иванович на руле — и я — вот и вся компания, отправляющаяся в путешествие. Благодаря сильному течению и противному ветру идти довольно трудно, и 6 человек на веслах довольно долгое время бьются, прежде чем им удаётся поставить карбас против волны, уже несколько раз окатившей нас с ног до головы. Счастье, что я еще надел свою норвежскую меховую шапку, защищающую уши и затылок, иначе ванна была бы основательная, о пальто я уже не говорю, оно было мокро до нитки. Не смотря на все эти передраги, в карбасе не скучно. О неприятностях, доставляемых коварными волнами, мало думают. Команда не из унывающих, галдит, перебрасывается шутками и, поощряемая штурманом, сильно налегает на весла, в силу чего и наше суденышко довольно быстро подвигается к цели. Ко мне эта публика благоволит, знает, что я «доктор не из нежных», как они меня величают. Не стесняюсь никакими условиями, не требую комфорта, при случае помогаю им чем могу — сажусь на весла, вытаскиваю с ними на берег карбас, стаскиваю в воду, спускаюсь по шторм-трапу, езжу, невзирая ни на какую погоду. Всё это ценится, а через это

⁷ Сажень — 2,1336 м.

⁸ Верста — 1066,781 м.

Жижгинский маяк. Начало XX в. Из коллекции А. Сидорова

я окружен известными забобами, к числу которых относится, между прочим, лихая доставка на берег, на этот раз окончившаяся несколько неудачно. Дело в том, что, огибая каменные гряды, мы уклонились несколько в сторону, но и там встретили такие же; стали выбираться на свободную воду и в результате сели на камень сбоку; около получаса употребили на то, чтобы спихнуться. Работали уже все и, наконец, после долгих усилий сдвинулись с невольной упорной стоянки и уже вполне благополучно добрались до берега.

Жижгинский маяк — один из лучших по местоположению маяков Белого моря; он расположен на материке по так называемому «летнему берегу» Двинской губы, вследствие чего сношение с окружающим миром не прерывается для него и в зимнее время, поддерживаясь на лошадях и оленях⁹. Самый маяк поставлен в верстах двух от берега моря, на возвышенном месте, поросшем мелким лесом — можжевельником, березняком, горе, около 20 сажен высоты. Горизонт отсюда открывается на 15 миль. Пройдя около 1,5 версты по равнине, во время приливов заливаемой сплошь водой, вследствие чего она на несколько вершков покрыта слоем морских водорослей, перемешанных с камнями, раковинами и т. п. дарами океана, подходишь к самой возвышенности, на которую проложена лестница в 120 ступеней. Подъем довольно сносный: по бокам — всюду

кустарники, теперь уже оголенные от листьев, что значительно омрачает общий вид ландшафта, в летнее время являющегося благодаря массе зелени, цветов довольно живописным уголком. Теперь не та уже пора, а в силу этого и краски не те... Поднявшись наверх — первое, что бросается в глаза — это маячная башня с призматическим фонарем на верхнем ярусе. Тут же около помещается небольшой, довольно уютный домик смотрителя с окружающими его зданиями службы. Всё выглядит домовито, чисто, и только здание маяка нуждается в ремонте; когда-то оно было окрашено темно-желтой краской, которая от времени теперь побурела, местами облупилась, что значительно портит общее впечатление. Пройдя среди кустарников можжевельника поверхность [зачеркнуто, вписано по оконечности] возвышенности, выходящей к морю, невольно останавливаешься перед грандиозностью раскинувшегося горизонта: глаз прямо-таки теряется в этой дали, и не знаешь, где кончается водное пространство, где начинается небо. Много портила и здесь общая серая окраска тонов, эти нависшие тучи, этот морозящий дождь, всё кругом казалось унылым, беспросветно-скупным... На этой же оконечности расположены два орудия, выстрелами возвещающие заходящих мореплавателей в туманную погоду о близости маяка. Да, важная задача выпадает на эти морские оазисы, где жизнь человека, в большинстве случаев заброшенная, вся идет на пользу другим — это незаметные герои, скромно делающие свое дело,

⁹ См. сноску № 5.

не кричащие о том труде, который они кладут на пользу ближнему...

Пробыв на маяке около 2-х часов, возвратились на «Савватий», уже подававший нам из-за усилившегося ветра свистки. Снявшись с якоря, взяли курс на Летний Орловец и Чесму¹⁰. Погода снова расхотелась, прибой у берегов был настолько силен, что нечего было и думать оставаться у этих маяков, спустить карбаса не было ни сил, ни возможности — их разбило бы в щепы волнами. Поэтому, миновав как тот, так и другой, взяли направление на Жижмуй¹¹, куда и пришли около 7 часов вечера. Около 5 часов наблюдал красивую картину захода солнца. Кругом уже стемнело. На море лежала уже предвечерняя мгла, и только на западной части горизонта небо буквально пылало заревом пожара. Раскаленный диск солнца быстро опускался в море, посылая нам свои прощальные лучи. Еще несколько секунд — и те совершенно исчезли за линией горизонта; долго еще после этого небо горело всеми цветами радуги, постепенно погасая в верхней своей части; осталась одна узенькая багрово-пурпурная полоска, но вскоре и она погасла — наступила северная ночь. Как раз в это время вспыхнул маячный огонь и, отразившись в переливающихся волнах, дробными искрами побежал навстречу медленно надвигавшемуся пароходу. Нас заметили. С берега стали махать фонарем, указывая этим бухту для приставания баркасов; но спускать их не стали — люди были утомлены, к тому же над морем спустилась тьма, выгрузка представлялась затруднительной. Отдали якорь и решили ждать рассвета, когда можно будет приняться за работу. Все затихло. Не слышно шума машины, все расположились на отдых, и только всплески волн, ударявшиеся о борта парохода, пели свою однообразную песню и катили вдаль свои холодные, мрачные воды...

3/X. 6 часов утра

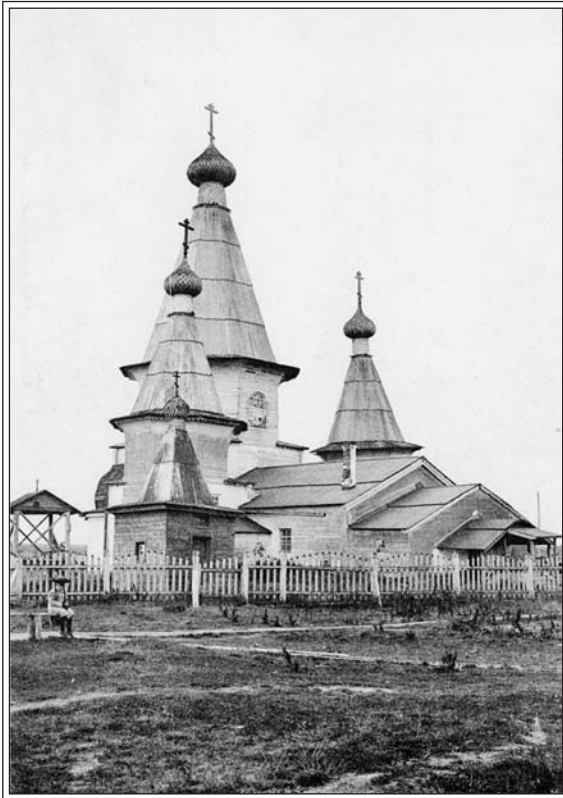
Проснулся от какого-то шума и возни над головой. Очевидно, на палубе что-то происходит. Пароход бросает, как щепку, попробовал встать и, не выдержав равновесия, свалился, уйдя головой прямо в футляр от фотографического аппарата. Вторичная попытка окончилась еще более плачевно — пришлось растянуться во весь рост в каюте, причем особенно сильно пострадала голова от удара об умывальник. Дело не шуточное... Боже, что творится у меня в каюте — всё разбросано по

полу, сапоги уехали в дверь и бессильно перекачтываются в салоне; кувшин в умывальнике разлился, и забранная в дорогу литература плавает на полу в потоках воды; папиросы рассыпались; ищу портсигар, но поиски тщетны, по металлическому шуму слышу, что и он последовал в сообществе тех сапог в салоне, где и совершает экскурсии, перекачтываясь из угла в угол; с трудом отыскиваю свои принадлежности туалета; все мокро, измято и в самом непрезентабельном состоянии. Вот кто-то стремглав пролетел по салону и, ударившись по пути в [вписано кронштейн] от иллюминатора, грузно опустился на пол. По сопровождающим падение фигуральным ругательствам узнаю своего милого соседа А.А. Тяжело, должно быть, пришлось бедному, но помочь не могу, так как за все время одевания не могу все еще найти своих брюк, которые оказались забытыми куда-то под трубу от парового отопления. Выйти же, хотя бы и не в костюме Адама, как-то неудобно. Наконец, с грехом пополам одевшись, поддерживаясь за косяки дверей, хватаясь за диваны, добираюсь до лестницы, идущей на верхнюю рубку. По ней взбираюсь почти на четвереньках, так как размах парохода настолько велик, что держаться в вертикальном положении не представляется возможным. После известного количества зуботычин, синяков счастливо выбираюсь на палубу, где сейчас же получаю обильную соленую ванну от хлынувшей через борт волны. Что делается с морем! Оно словно кипит в котле, белые гребни изрезают его во всех направлениях — шум волн, вой ветра, треск снастей — всё это сливается в какой-то чудовищный концерт. Первый момент ничего не понимаешь, одно ясно — шторм отчаянный, какого до сих пор нам за всё время кампании не приходилось испытать ни разу. Несмотря на все неудачи, энергия не покидает меня. Под непрерывным душем соленой воды я все же пробирюсь на капитанский мостик, где уже капитан, одетый по штормовому — в непромокаемой шведке, голландской клеенчатой шляпе на голове, отдает спешные приказания к подъему якоря, что и было причиной суматохи. Как оказалось, нас чуть не сорвало с места нашей стоянки подкравшимся штормом, последствия же могли быть более чем плачевными... На палубе также суматоха — спешат принайтовать¹² возможно прочно, шлюпки, карбаса, — словом всё то, что может быть смыто волнами и унесено в море. Нужно во что бы то ни стало уходить в открытое море и, если погода не стихнет, укрыться в возможно близкой гавани и там переждать шторм. Мечты о заходе на

¹⁰ Мыс Летний Орлов и мыс Чесменский. Там тоже находились маяки.

¹¹ Остров Жужмуй.

¹² Соединить, закрепить с помощью тонкого троса.

Успенский собор в Кемь (1714 г.).

Открытка изд. О.А. Адамовича. Из коллекции А. Сидорова

Ромбакский маяк¹³, лежащий у нас на курсе, были оставлены, и все помыслы были сосредоточены на проникновении в устье Кемь, где действительно можно бы отдохнуть без малейшего страха даже на ощущение качки, это вполне гавань благополучия, гавань тишины и покоя.

Наконец, якорь поднят, машине дан ход, и мы, круто повернув на запад, покидаем берега Жужмюя, в надежде зайти на него на обратном пути на Мурман... Начинается скачка по разгулявшемуся морю; напор волн и ветра настолько силен, что моментами винт парохода перестает работать и последний останавливается, как бы не решаясь бороться с сильным и упорным врагом. Из боязни повредить машину идем медленным ходом, всего 6 узлов в час; валяет нас из стороны в сторону, словно лоханку какую, внизу в каютах невозможно быть, сотрясение парохода настолько велико, что нет никакой физической силы удержаться от нежелательных физиологических эффектов. Одно спасение — палуба, там, хотя тебя и обкатывает волна, хлещет ветер, чувствуешь себя прелестно и только заботишься о том, как бы не зазеваться и не улечь в лучшем случае с носа на корму парохода. Впрочем, это дело небольшого навыка, потреплет море раза два-три,

и на четвертый ты уже великолепно лавируешь на палубе, в некоторых случаях уподобляясь, положительно, гимнастам. Проходя мимо угрюмых каменных, без всяких признаков растительности, скал Ромбакского маяка, в полумиле от нашего курса, увидели какую-то шхуну, подававшую нам сигнал с просьбой о помощи. Пускаться в филантропическое пре[д]приятие не входило в круги наших обязанностей, тем более что этот рейс происходил при наличии большого количества пассажиров — семей смотрителей маяков, возвращавшихся на зиму из Архангельска, было много женщин, детей. Идти среди бурунов и подводных камней, возможно, и мелей, было рискованно. К тому же и серьезной опасности судну не угрожало, стояло оно на двух якорях, защищаемое от ветра скалистым утесом, очевидно, это были просто любители буксирной тяги, которые думали воспользоваться нашей любезностью и при нашем содействии проникнуть в желанный Кемский рейд. Словом, мы шли, не останавливаясь, хотя капитан вначале и подумывал уже сдать на сигнализацию и, таким образом, в 1/2 двенадцатого встали на якорь в устье Кемь. Там сейчас же сообщили о видимом судне буксирному пароходу, который, разведя пары, тотчас же вышел в море и часа через полтора благополучно доставил в соседство к нам покинутое нами на произвол судьбы суденышко, оказавшееся обыкновенной шхуной из Поморья, не получившей даже никаких повреждений. Я крайне обрадовался приходу в кемские воды, в надежде еще раз посетить этот своеобразный старинный городок Руси Кемь, где я уже был однажды и с которым я, в силу независимости от меня обстоятельств, не мог ознакомиться в той степени, как бы мне этого хотелось. К сожалению, когда мы пришли, заводский пароходик, совершающий рейсы между городом и заводской слободой, расположенной от него в 7 верстах, уже ушел и должен был ввиду воскресного дня вернуться лишь вечером. Приходилось примириться с этой участью и остаться сидеть неизвестно сколько времени на пароходе, что мне совершенно не улыбалось. От нечего делать спросил у капитана шлюпку и удрал на находящийся здесь на о-ве Попове громадный лесопильный завод, который и осмотрел во всех деталях, причем даже сделал немало фотографических снимков, более-менее ярко иллюстрирующих заводскую жизнь и дающих наглядное представление об этом грандиозном сооружении, являющимся своего рода целым городом. Таким образом, время все же не пропало даром. Ветер все не стихал, и это дало мне возможность надеяться, что завтра опять будет невозможно уйти в море, а раз мы не уйдем,

¹³ Маяк на о-ве Ромбак, недалеко от устья реки Кемь.

значит, я буду в Кеми, хотя бы для этого нужно было встать, хоть в 5 часов утра. А пока спать, спать и спать — утро вечера мудренее...

4/Х. 6 часов утра

Сейчас разбудил капитан, сообщив приятную новость, оказывается, у нас нет пресной воды и ей придется запастись в Кеми. Ветер стих, хотя в море гуляет здоровая волна. Решено, иду в Кемь на буксире, который везет за собою водоналивную баржу. Пока еще довольно темно, но в 7 часов светает, следовательно, на шатание по Кеми выпадает около 2-х часов — время, достаточное для необходимых мне наблюдений. Кончаю... Зовут на палубу, где уже спускается трап. Спокойной ночи, мои соседи...

12 1/2 часов дня

Сейчас только что покинули Кемскую губу, идем на Ромбак. В море по-прежнему разгуливает зыбь, в силу чего и писать не особенно удобно — качает, рука дрожит, и выходят каракули. В 11 часов утра вернулся на пароход на водяной барже; все уже были на палубе и грелись, как моржи, на солнце, ждали завтракать, и я, переодевшись, сразу же отправился в столовую. Сейчас все залегли спать, капитан ушел на мостик — выход из Кемской губы довольно опасен и требует внимания, я же сижу в вагоне [зачеркнуто, вписано каюте] и спешу записать свои дневные впечатления.

Начну с Кеми. Основание Кеми относится ко временам доисторическим. В XV веке Кемь была волостью Марфы Борецкой, а затем Соловецкого монастыря. В конце XVII века Кемская волость подвергалась опустошительным набегам шведов, приходивших в Поморье для грабежа, обыкновенно осенью по замерзшим болотам и озерам. В 1598 году на Лепострове построен двухэтажный острог с бойницами и башнями, из которых до нашего времени сохранилась одна полуразрушенная. С внутренней стороны на башне видны широкие ворота, а в наружных стенах — отверстия для пищалей и ружей. На верху башни уцелели еще выходящие из-за сруба два горизонтальные бревна, с которых бросали камни и лили кипяток на осаждающих. Город расположен при устье реки Кеми в котловине, окружаемой горами, покрытыми мохом и лесом. Он разделяется рекою на две части, соединенные между собою мостом на срубках.

Река Кемь протекает через всю Карелию от границы Финляндии. Она мелка и порожиста, самый красивый порог Ужма — в 17-ти верстах от города у села Подужмы. Река падает здесь со страшным шумом двумя уступами с высоты 3-х

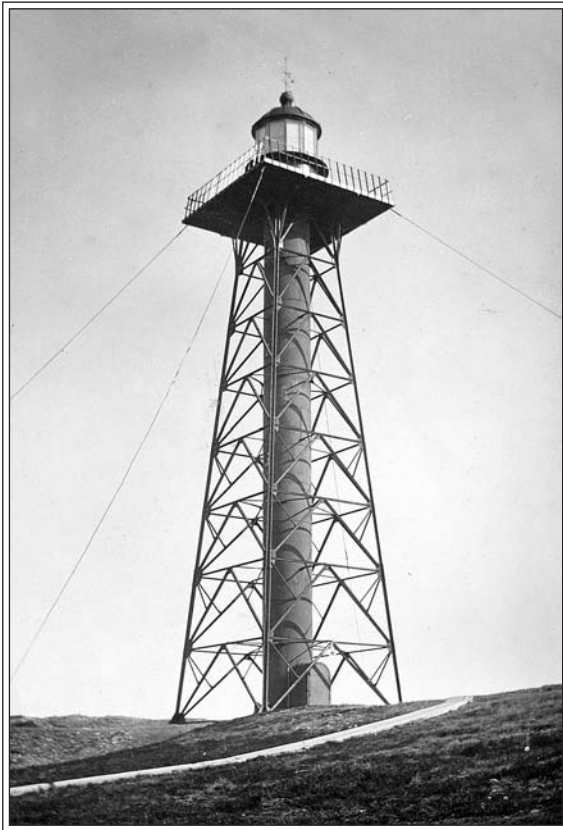
сажен и разбивается выдающимися в пороге скалами на несколько рукавов. Говорят, что в прежнее время в реке был значительный промысел жемчуга, чем и объясняется происхождение герба г. Кеми — жемчужный веночек на голубом поле. При въезде в город с моря, на левом берегу реки — новый каменный собор — здание очень изящное по архитектуре, светлое, просторное, украшенное внутри более чем приличной живописью. За собором тянется ряд больших красивых домов поморов. Далее, за городом, — красивая сосновая роща, и в ней старообрядческое кладбище, усеянное резными и раскрашенными столбиками — памятниками на мачтах¹⁴. На правом берегу реки, на горе возвышается замечательный по своей архитектуре Кемский собор, построенный в 1714 году из рудовой сосны¹⁵. С крыльца — вход в продолговатую паперть, «забранную в столбы». Оттуда — в трапезную. Далее — продолговатое помещение для молящихся, идущее в ширину приделов, подымающихся в виде особых башен, крытых шатром. К востоку между приделами — главный прямоугольный сруб церкви, переходящий сверху в осьмигранную форму, увенчанную тоже шатром.

Жители Кеми, как и все вообще поморы, занимаются, главным образом, торговым мореходством и промыслами на Муроме¹⁶, отчасти — ловом семги в реке Кеми. Зимой — судостроением и рыболовством в Кемской губе, которое, надо сказать, не составляет предмета сбыта, а служит для местного потребления. Интеллигенции довольно мало, да и неоткуда, правда, ей здесь взяться. Из имеющихся здесь учебных заведений можно отметить мореходную школу, городское училище и несколько школ местного типа. Говорят, что кем[л]янки — самый красивый тип женщин Поморья. Не знаю, на основании чего сочлось это мнение; если что-либо подобное когда и наблюдалось, то, очевидно, в глубокой давности. В настоящее же время тип северных красавиц выродился и то, что удалось видеть мне, так далеко от эстетики, что ее смешно было бы даже здесь и искать. Я бы назвал преобладающий здесь тип финским, что и неудивительно ввиду соседней Карелии и недалекой Финляндии. Те же широкие скулы лица, коренастость, льняные грубые волосы, маловыразительные серые глаза, какое-то тупое, всегда равнодушное выражение лица, общая

¹⁴ Эти столбики называются голбцы.

¹⁵ Кемский Успенский собор с двумя приделами: Никольским и прпш. Зосимы и Савватия Соловецких. Рудовая сосна — лучшая, самая прочная, растущая по кряжам: заболони мало, слои частые, древесина плотная.

¹⁶ Муром — так иногда называют Мурман.

Жужмуйский маяк. Начало XX в.
Из коллекции А. Сидорова

малоподвижность — вот те черты, которые бросаются в глаза даже при поверхностном ознакомлении с населением края. В общем не ошибусь, если скажу, что мужчины здесь значительно красивее, да и лица у них интеллигентнее, объяснение этому вижу отчасти в далеком прошлом Кемь. Когда-то, до половины XVIII столетия, Кемь являлась местом ссылки вначале уголовных, а впоследствии только политических преступников, которые до некоторой степени могут считаться даже основателями современной Кемь. Потомков этих невольных заселителей края здесь можно найти и теперь немало, к тому же кадр их пополняется и по сие время. Как знать, может быть, и в вопросе мужского населения города сказалась расовая черта интеллигенции, проникшая сюда и сказавшаяся в наследственности по мужской линии... Во всяком случае факт этот нельзя обойти молчанием и с результатами его необходимо считаться...

Для того чтобы окончательно закончить с Кемью, скажу еще, что в 1785 году она была объявлена уездным городом. Город открывал знаменитый Державин, бывший в то время олонекским губернатором. В 1802 году Кемь со своим уездом причислена к Архангельской губернии. Кемь — пункт в высшей степени интересный. Она служит резким бытовым и экономическим рубежом. Кемью кончается богатое Поморье,

подымающее артели на Мурман и ведущее торговлю с Норвегией. Кемью же заканчивается и раскол; за ней, к северу, начинаются карелы — население, живущее под священником. Вот и все, что могу сказать об этом маленьком, но интересном городке Крайнего Севера...

Сейчас полвторого. Идем полным ходом к Ромбакским островам, которые уже виднеются, выделяясь на синеве неба своими мрачными очертаниями голых скал без малейших признаков растительности. Красивое, дивное [*зачеркнуто, вписано дикое*], но в то же время какое-то Богом заброшенное место; скалы, скалы и скалы — всё это поросло мхом, этой единственной растительности[ю] всей группы островов. Даже питьевой воды здесь нет, и ее привозят сюда из той же Кемь пароходы с лесопильного завода. Зимой же пользуются снеговой — талой водой. Дурацкое, в общем, положение — находиться окруженным со всех сторон водою и в то же время не иметь ее, а мудрая Дирекция маяков не может даже снабдить последние опреснителями. Ох, велика, обильна наша Русь, а порядка-то в ней и до сих пор нет¹⁷... Ну что же, «усни многокучинная, усни многострадальная»¹⁸ — и жди-пожди своего сознательного пробуждения, откуда-то [*вписано только*] оно придет, да и придет ли, — плохо, ой как плохо верится в последнее...

Без четверти два стали на якорь. Стоять можно, хотя качает здорово. Едем на берег, опять акробатические упражнения на шторм [-трапе], опять ныряние по волнам, снова прыгание со скалы на скалу по обледенелым камням с риском сломать себе шею, но среди моря и это — развлечение. За день качания с боку на бок пароходная палуба так надоедает, что с удовольствием лезешь, хотя и не на гостеприимные берега, лишь [бы] поразмять ноги...

3 1/2 часа дня

Уходим в море, берем курс на Жужмуй, куда нужно попасть во чтобы то ни стало. По слухам, на Жужмуйском маяке смотритель сошел с ума. Нечего сказать, приятная предстоит перспектива, особенно, если этого безумца придется взять на пароход и тащить в Архангельск. А ведь нам предстоит немалый путь впереди, мы даже не вступали в океан, до Норвегии еще далеко...

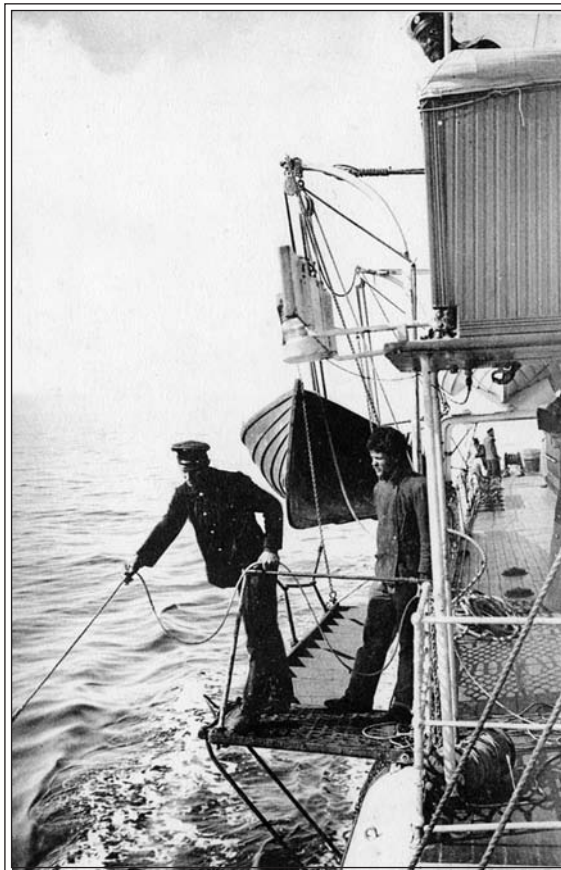
¹⁷ Перифраз из обращения нижегородцев к Рюрику с призывом на княжение (IX в.) по Ипатьевской летописи: «Земля наша велика и обильна, а наряда [т. е. порядка; по иным толкованиям — правительства] в ней нет.

¹⁸ Строки из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо».

Только что вернулся с маяка. Оказалось, с нами на пароходе прибыла из Архангельска вся семья смотрителя — жена, восемь ребят и прислуга. Приехали они сюда впервые, так как муж недавно только получил место смотрителя; нечего сказать, в отрядные палестины заехали. Карбас нагрузили так, что негде даже было поместиться. Пришлось усесться на каком-то бочонке, оказавшемся впоследствии с порохом, — вот уже — благодарю — не ожидал. С трудом высадили на камни детвору, с неменьшим трудом вылезли сами; я все-таки угодил ногой в воду, хорошо еще, что был в высоких сапогах, а то пришлось бы ворочаться на пароход. Пока разгружали карбаса, пошел к смотрителю.

Я был уже здесь летом, а потому места мне знакомы: маячное здание, оно же и смотрительская квартира, — довольно милостивый, простенький домик, выкрашенный в желтую краску. Содержится чисто и опрятно, но миниатюрен до чрезвычайности. С недоумением спрашивал себя, каким образом разместить в этом картонном 10 душ. Строго говоря, это одна комната, разделенная перегородками на 3... Да и холодна, должно быть, здесь: здание деревянное, как, впрочем, и все дома на севере, стоящие при море. Дело в том, что кирпич на севере совершенно не годится для постройки: пропитываясь соляными испарениями, он отлагает в себе соль, которая разрушает известь; сильные ветры окончательно выветривают ее, и здание через год уже никуда не годится — оно медленно и верно разрушается. Хорошо сколоченный деревянный дом здесь целесообразнее, но ведь нужно же их соответственно строить, чего нельзя наблюдать в постройках той же Дирекции: снаружи как будто и ничего, а заглянешь снутри — только руками разводишь: из-под полу дует, из окон также, стены, должно быть, совершенно не проконопачены, в сенях — мороз уже и теперь, когда в воздухе 4° R¹⁹. Бедные ребята, обреченные на жизнь в этом вентиляторе... Да и вообще судьба их плачевна: молока не достать, своего скота держать невозможно из-за отсутствия корма, да и не втащить на эти скалы ни одной скотины, — а ведь младшие-то в возрасте 3–1,5 лет, вот тут и выращивай... Просмотрел аптеку, каковые имеются на каждом маяке. Ох, уж эти аптеки — одно недоразумение! Составлены они бестолково, чтобы не сказать больше, наставления к обращению с ними никакого, в силу чего владельцы их боятся к ним и приступить. Масса

¹⁹ 4° по Реомюру или 5° по Цельсию. Р.А. Реомюр (1683–1757) — создатель 80-градусной температурной шкалы, где за нулевую точку принималась температура таящего снега, а за максимальную — температура водяного пара.

На борту «Саватия». Бросание лота.
Открытка изд. О. Адамовича. Из коллекции А. Сидорова

включено в них ненужного, многого же необходимого и совершенно нет. Содержатся они отвратительно; здесь, например, аптека свалена беспорядочно в ящике из-под свечей и задвинута под кровать. Перевязочный материал, как то бинты, марля — безо всякой укупорки, всё это в пыли, грязи. Неужели же трудно было завести шкафчики для всего этого, как я видел на некоторых маяках, где эти ящики поставлены, очевидно, по личной инициативе смотрителей. Думаю, что дирекция не разорилась бы от этого, ведь, наконец, это же не шуточный вопрос и над ним нужно когда-нибудь основательно подумать... Думаю даже по этому поводу написать проект, авось и прислушаются к голосу одного из малых сих...

Пока писать нечего, берусь за книгу, читаю Дюма «Двадцать лет спустя» и, несмотря на такую старину, увлекаюсь блестящей фабулой романа и фантастическими подвигами героев его — д'Артаньяна, Портоса и Арамиса. Итак, пока окунемся в историю...

12 час. ночи

Спать совершенно не хочется. Верный себе, сажусь за регистрирование событий дня, а их се-

годня выпало немало. Вечером при сильном НВ²⁰, наконец, добрались до Жужмуя. Маяк не горел, хотя его и должны зажечь согласно расписанию в половине пятого. Несмотря на сгушавшиеся сумерки, было довольно светло, всходила луна, так что имеющийся груз решили везти теперь же, не дожидаясь утра. На предварительные разведки о состоянии психики зрителя послал фельдшера, сам решил ехать утром; во-первых, далеко, а во-вторых — не совсем и приятно вечером разговаривать с господином, у которого проявляются какие-то странности. Кроме того, попросил штурмана возможно подробнее вызнать все происходящее на маяке у имеющихся там рабочих. В заключение пришлось все же ехать самому. Приехавший обратно фельдшер привез далеко не утешительные вести — дело действительно не ладно. Онуфриев (фамилия зрителя) буйствует на маяке, хотел даже застрелиться из ружья рабочего, а жене одного из них чуть не проломил голову, ударив палкой и причинив рассеченную рану теменной области. Получил предписание адмирала — произвести формальное дознание и дать свое заключение. Делать нечего, приходилось ехать. Засунул в карман на всякий случай браунинг, взял людей и отправился.

Выдалась редкая ночь — тихая, теплая, лунная, ехать по морю было одно наслаждение. Не хотелось верить, что находишься на севере, да еще и в осеннюю пору. В воображении вставали совершенно иные картины, грезилась иная земля, и трудно было помириться с мыслью, что находишься на 66-й параллели, невдалеке от Полярного круга... Эта тихо журчащая под шлюпкой вода, этот дробный лунный свет, это ясное звездное небо, эта полоса берега в лунных лучах, казавшаяся белой пеленой, этот блеск камней, смоченных прибойной волной, эта тишина, царящая вокруг, — казались не здешними, а принесенными откуда-то издалека, далёка... Меня поражали яркость тонов, резкость теней, чистота воздуха, ясность и глубина неба, и где же — на Крайнем Севере, где все должно быть мертво, холодно, где все должно быть окутано в бледные, серые, наводящие тоску тона... В воображении невольно вставали картины Лагорио²¹, Айвазовского с их теплыми тонами юга, с их красочной природой, полной жизни и блеска...

Идти в карбасе пришлось довольно долго, от берега встали далеко, на расстоянии не менее 2-х миль, так что наш «Савватий» почти совершенно

скрылся во тьме, и о его местонахождении можно было судить лишь по едва заметному огоньку электрического фонаря, поднятого на мачте. Подходили к берегу тихим ходом ввиду множества изб и домов [*зачеркнуто, вписано губ и банок*], разбросанных щедрой рукой природы и, наконец, после нескольких неудачных попыток, пристали благоприятно к небольшой бухточке, откуда и направились в глубь острова, оставив у карбаса часть команды.

Острова Жужмуй как по своему местоположению, так и по окружающей их природной обстановке являются одним из красивых уголков не только Онежского залива, но и Белого моря вообще. Песчаный сухой грунт, возвышенное место, масса зелени как хвойной, так и лиственной, заставляют невольно переноситься в мыслях в знакомую нам среднюю полосу России с ее лесами и лугами, сенокосами и посевами, совершенно отсутствующими обыкновенно здесь на северной оконечности. Жужмуйских островов два, Большой и Малый, на первом из них и поставлен маяк. Дорога к нему от берега идет небольшим подъемом среди массы берез, мелкого кустарника и елей. Теперь, ночью, освещенная луной, она казалась особенно красивой, и я несколько раз останавливался полюбоваться раскидывавшимся передо мной видом, жалея в душе, что фотографический аппарат был не в силах передать всей этой прелести. Сколько лунных эффектов, которые трудно уловить и передать даже художнику, можно было запечатлеть здесь, но пока все это мечта, несбыточная греза, которой можно желать только скорейшего осуществления...

Идти до маяка довольно далеко; но вот за поворотом показался огонек — это домик зрителя. Влево, сажень в 200 от него, — маяк. Тут же неподалеку небольшая часовня и несколько могильных крестов, где погребены в различное время члены зрительских семей. Справа длинной, темной полосой тянется лес, а на переднем плане — развалины старого деревянного маяка, снесенного несколько лет тому назад. Отправился к зрителю один, оставив своих спутников дожидаться меня на крыльце дома. Странное, какое-то жалкое впечатление произвел на меня герой, ради которого пришлось явиться сюда в столь позднее время. Маленького роста, слегка сутуловатый, с беспокойными, постоянно бегающими глазами, с быстрыми нервными движениями и несколько подобострастной речью, — он казался самым обыкновенным, забитым жизнью неудачником, каковых у нас немало на Руси. Не верилось даже, что подобного рода субъект мог внушать кому-либо страх, до того незначительна, бедна была

²⁰ НВ — норд-вест.

²¹ Лагорио Л.Ф. (1826–1905), живописец-пейзажист, основная тема — виды черноморского и балтийского побережий, Кавказа и Крыма.

С маячными обитателями на Орловском маяке (С. Дементьев — третий справа). 1910-е гг. Из архива В. Григорьева

эта фигура. Стараясь вовлечь его в разговор, и в то же время не переставая наблюдать за ним, я скоро же заметил некоторые странности в моем новом знакомом, заставившие меня с большим вниманием отнестись к первоначальной своей оценке нравственных его черт. Затрудненность речи, нервные подергивания, общая возбужденность, сказывавшаяся в суетливых движениях, в непрерывном курении одной папиросы за другой, скоро убедили меня, что передо мной находится, действительно, не совсем нормальный субъект, который, чувствуя над собой известное наблюдение, пытается маскировать свои действия, пытается играть роль с целью ввести в заблуждение непрощенного наблюдателя.

Из расспросов рабочих на маяке и их жен выяснилось следующее: смотритель ежедневно с утра до вечера пьян. На маяке никогда не бывает и даже не знаком совершенно с его устройством, поручив поддержание в нем огня одному из служащих. Целыми днями ничего не делает, шатаясь по лесам или сидя, запершись у себя в комнате. Пристает к женщинам с далеко не двусмысленными предложениями, причем на одну из них прямо набросился и, когда та стала защищаться, ударил ее чем-то острым в голову, причинив ранение. Осмотрел рану — она основательная в левой теменной области. В настоящее время она зарубцевалась, но осталась на этом месте значительная опухоль вследствие воспалительного процесса

надкостницы. У этой же женщины в пояснично[й] части позвоночного столба следы бывших кровоподтеков от ударов, нанесенных тем же смотрителем. Последний неоднократно заявлял, что, в конце концов, он всех своих рабочих перестреляет, а сам повесится. Страх, внушаемый обитателям маяка, настолько велик, что они живут теперь все в одной комнате, причем несут даже ночные дежурства, опасаясь ночного визита своего властелина. Когда мне все это рассказывали, то обе женщины плакали, умоляя меня не говорить только о их откровении зрителю. Обсудив и взвесив все данные, пришел к заключению, что здесь идет вопрос об алкоголике с дегенеративными наклонностями, на почве которых можно ожидать каких угодно психических проявлений, вплоть до буйного помешательства. Подобный тип не может быть терпим здесь не только в силу общечеловеческой безопасности, но и в силу ответственного поста, благодаря каким-то роковым случайностям, врученного ему. Маячное же дело находится в зависимости от интересов всех наций, посылающих свои суда в наши воды, и к нему нужно быть особенно внимательным, иначе могут происходить такие случайности, которые раз навсегда наложат позорное клеймо не только на учреждения, заведующие этим делом, но и на целое государство, которое даже не умеет выбирать людей на столь ответственные посты. В силу этого согласно предварительному соглашению с адмиралом оставил

там временно своего фельдшера, человека безукоризненного, знающего маячное дело, полного энергии, который, между прочим, и сам не прочь занять место зрителя на каком-нибудь маяке. Дай Бог, чтобы желание его осуществилось, а места лучшего Жужмуя я ему и не желаю... Завтра адмирал посылает подробную телеграмму в Дирекцию о всем происходящем на маяке; мое дознание идет почтою. Сегодня несколько устал, да, правду сказать, и поздно уже — 2-ой час, пора и на боковую. Уходим сегодня на рассвете, нужно попасть на мыс Орлов Летний и Чесму, эти последние маяки Ю-3 части Белого моря; отсюда на Сосновец, лежащий в Горле моря, а там — и любимый мой Мурман с его дикими скалами, шумным прибоем океана и плачущими криками чаек. В настоящее время он, должно быть, уже под снегом, да и чаек теперь нет — они, говорят, давно уже покинули холодный север, унесясь на благодатный юг...

5/X

Ушли в море сегодня в 5 часов утра. Проснулся от шума паровой лебедки, наматывавшей якорную цепь. В каюте чертовски холодно, — отопление почему-то не действует. Вставать было лень, да и ни к чему. Погода не особенно-то удачна. Опять, видимо, надвигается шторм. С неба сыплется какая-то крупа, небо тучно, волна снова гуляет в море — вполне осенняя картинка, нет и воспоминания о вчерашнем летнем вечере. Валялся на койке до 7 час., тогда, наконец, стало уже невте[р]пез, к тому же и болтыкает здорово. Качка бортовая — голова и ноги попеременно принимают вертикальное направление. Я люблю эту качку, но и она надоедает. Оделся, напился чаю, заглянул в каюту к адмиралу; оказалось, он уже с час торчит на мостике; вот неугомонная-то натура, всюду торопится, на всех кричит, противоречий никаких не признает — тяжелый в общем человек, и не мудрено, что мы с ним раз десять на дню поругаемся... На палубе мокро, пол то и дело окатывается водой, ветер пронзительный, холодный. Забрался на мостик и кубарем скатился вниз, до того там ревет ураган. До завтрака еще далеко, делать нечего, завалился читать, бросил, пошел соблазнять адмирала играть в дураки — эта шельма на днях оставила меня подряд 32 раза, кажется, плузует, надо будет поглядывать... Андрей Александрович, я и Н. — обычное картежное трио — дуемся иной раз до одурения. Пока играли в карты, стих ветер, небо прояснилось, и даже выглянуло солнце. Странные здесь края — на дню погода меняется раз 10. Устойчивости не наблюдается никакой. Климатические условия здесь

совершенно уподобляются ветреной женщине. С ними трудно ладить, на них трудно надеяться. Несмотря на это, зыбь разгулялась вовсю. К Чесме и Орлову подойти, пожалуй, не удастся из-за прибоа. Придется весь груз и пассажиров выбросить в Пушлахте, гавани, промежуточной между этими мысами, гавани спокойной, защищенной от ветров, с хорошей якорной стоянкой. Сейчас пришел капитан и решительно заявил, что ни в Чесму, ни в Орлов он не едет. Адмирал по обыкновению ругается. Идем в Пушлахту. Значит, поеду на берег, где имеется целое селение.

В 9 часов стали на якорю. Здесь же нашли отстаивающийся от штормов пароход Мурманского товарищества «Зосиму». Так как он идет в Архангельск, то сдали на него всю нашу почту; груза сдать надо много, почему грузили карбаса больше часу. Много смотрительской утвари, начиная от самоваров и кончая швейной машинкой, к тому же и съестные припасы на зиму, словом, казалось, негде было и поместиться. Однако всё же втискался, утащив вместе с собой и Андрея Александровича. Дорога дальняя — до селения миль 5–6. Благодаря попутному ветру, шли под парусами. Губа Пушлахта, где расположено село, — довольно коварное место — вся покрыта мелями и подводными камнями; всюду торчат вехи, насаженные самими же жителями для более точной ориентировки при своих рыболовных экскурсиях; масса поставленных сетей, так что каждую минуту рискуешь угодить в них. Берега довольно красивы. Левый возвышенный, [*зачеркнуто, неразб.; вписано* правый низменный], покрытый хвойным лесом, — вообще же мне это место странно напомнило Финляндию, словно я находился где-нибудь на Юкках. Ехали, ехали и, наконец, со всего размаха врезались в мель — едва успели спустить паруса, а то порывом ветра наш карбас неминуемо перевернуло бы. Едва-едва оттолкнулись веслами, но на свое же горе сели на камни, и тут уже никакие усилия не привели ни к чему. На помощь нам выехали две лодчонки из села — одна забрала меня и Андрея Александровича, другая — часть груза. До берега мы все-таки и не добрались, — местные аборигены сели на мель и, сконфузившись перед таким эффектом, вывезли нас на землю на своих собственных спинах, благо сели-то мы в сажнях 2–3 от цели нашего путешествия. Предоставив карбасу добираться вслед за нами, пошли осматривать селение. Оно довольно большое, дворов 70–80. Есть церковь и казенная винная лавка. Село, значит, цивилизованное, нет нужды, что заброшенное в море... Оригинального эта слобода, как я назвал бы ее, ничего не представляет. Это обыкновенная русская деревенька,

Члены экипажа «Савватия». С. Деметьев — второй справа. 1910-е гг. Из архива В. Григорьева

довольно убогая, каких много можно встретить по России. Те же полуразвалившиеся домишки, те же задворки, обнесенные дреколем, та же непролазная грязь, словом, всё то, что известно достаточно уже всем и каждому. Куда ни оглянись, бродит скотина, уныло пощипывая, вернее выщипывая, оставшуюся от лета траву, бегают ребятишки, злобно завывают псы при виде незнакомых личностей; достаточно и пьяных — Русь, да и только...

Сделал несколько фотографических снимков, поговорил с обитателями, узнал от них, что они «рыбопромышленники», ловят навагу и продают ее поморским судам, а те уже везут ее частью в Архангельск, а частью и в Петербург. Деньга, по видимому, у них водится, но целиком идет в «казну». Благо «казенное» учреждение помещается тут же под боком. Сегодня праздник — царский день²², казенная лавка была закрыта и довольно основательно, при помощи железных болтов, которые кажется не выломать бы и медведю, но ввиду нашего прибытия, прибытия людей начальствующих, двери ее любовно отверзались, видимо, думали, что мы обязательно тут же и напьемся. Так как мы игнорировали этой любезностью, то, надо думать, она была с избытком вознаграждена

местными дикарями... Побродив около двух часов по берегу, возвратились на пароход уже без всяких приключений. Шли на веслах, почему весь путь до парохода занял около часу. На пароходе уже отзавтракали и ждали лишь нашего возвращения, чтобы пуститься в дальнейший путь. В 3 часа, снявшись с якоря, взяли курс на Сосновец, куда должны придти завтра утром...

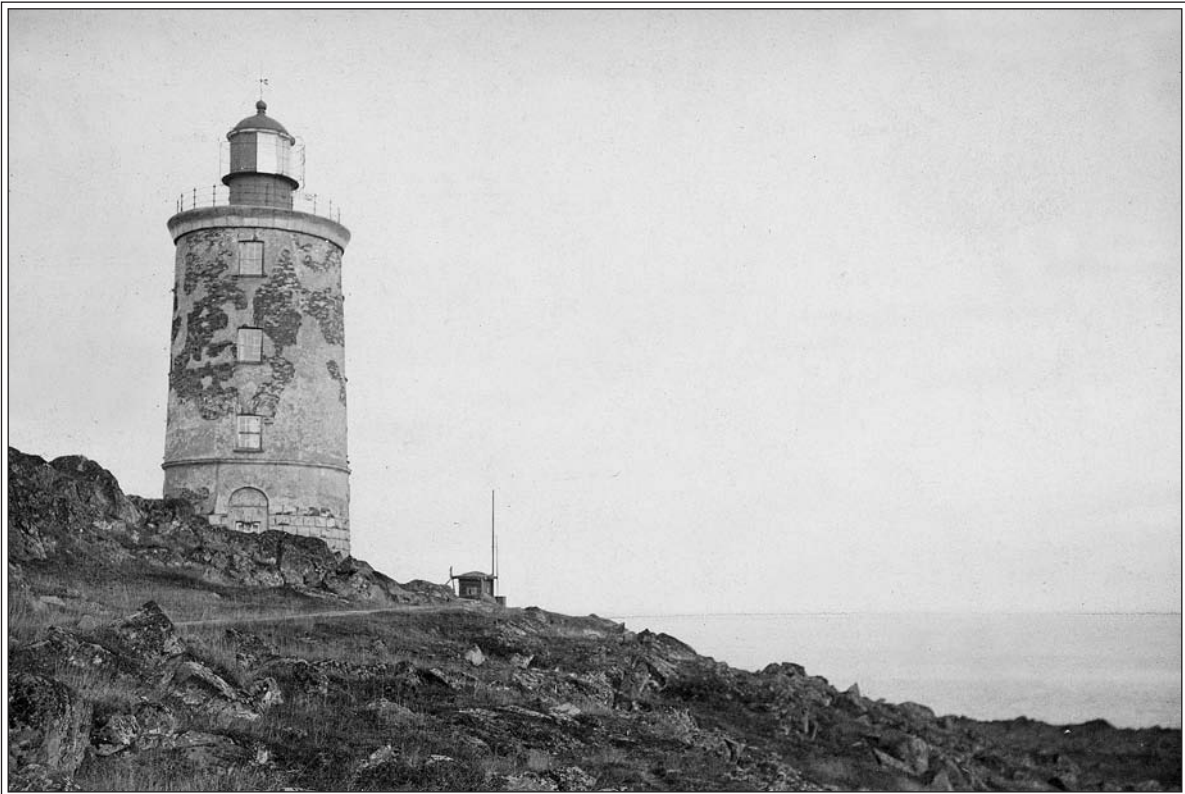
6/X

Сегодня в 7 часов утра прошли Сосновец, я в это время еще спал, так как вчера лег довольно-таки поздно. В море опять большая волна, завывает Н.О.²³, и к маяку невозможно было подойти. Ясный солнечный день. Находимся в преддверии к Мурману, последний по географическим определениям начинается лишь от Святого Носа, берег же до Святого Носа носит название Терского. Здесь уже зима в полном смысле этого слова: горы, скалы, берега под густым слоем снега, местами толщина его доходит до 2-х аршин²⁴. В общем красивое и оригинальное сочетание красок: темно-синяя вода, снежные, ослепительно белые скалы и голубое прозрачное небо. Только

²² День рождения российского императора Николая II.

²³ Норд-ост.

²⁴ Аршин — 0,7112 м.

Орловский маяк. Начало XX в. Из коллекции А. Сидорова

в верхних слоях, где гуляет ветер, скалы обнажены от снежного покрова и своей темной окраской еще рельефнее вырисовываются в прозрачном воздухе осени. Но пока еще не холодно, всего 2° ниже нуля. Я — в летнем пальто и только фуражку заменил норвежской шапкой с наушниками, да и то, спасаясь от довольно чувствительных порывов разгулявшегося Борея²⁵. Торчал по обыкновению на палубе; видел двух китов, довольно близко прошедших от парохода и выпустивших, надо думать, в честь нас громадные фонтаны воды. Чаек не видно, в море встречаются лишь тупоносые бекасы [*зачеркнуто, вписано бакланы*] да глупыши (род пингвинов), иногда наблюдаются перелетные стаи лебедей — сегодня их особенно много, летят стаями по 30–40 голов, вопят адски, куда хуже «Ивиковых журавлей»²⁶.

Однако покачивает основательно. Сейчас 12 часов, скоро завтрак. В качку же это далеко не из приятных развлечений: всё ерзает по столу, стаканы, графины с водой дребезжат, да и есть не особенно удобно, хотя теперь, правду сказать, я приспособился ко всем неудобствам морского путешествия. Первое же время обязательно

попадал вилкой вместо рта либо в нос, либо в глаза. Между прочим, оригинальное явление — в качку я больше ем, из чего все заключают, что на меня она не оказывает никакого эффекта. Оно, впрочем, так и есть, сплю, ем и вообще чувствую себя великолепно. Раз укачало, да и то по какому-то недоразумению, думаю, что виною всему был основательный завтрак с возлиянием перед отплытием из Архангельска. Даже привык писать в качку, а это уже верх совершенства. Одно неудобство — приходится все время следить за чернильницей, которая от толчков парохода летает по всему столу, грозя ежеминутно падением на пол. Взглянул в иллюминатор и увидел, что подходим к Орлову Зимнему. Интересно, можно ли будет стоять на якоре? Место совершенно не защищенное, обдувается ветром со всех сторон. Одно спасение, когда он с берега, высоченные скалы тогда являются надежной защитой. Сегодня же этого ожидать трудно. Слышу телеграфный звонок в машине. Уменьшают ход. Иду на палубу...

1 час дня

Встали на якорь. Стоять можно с грехом пополам, на берег не попаду, неохота таскаться через каменные провалы, которых здесь масса. Сам по себе Орлов мыс ничего не представляет: это обыкновенная каменная гряда, покрытая, как и весь Терский берег, как лишаем, желтой

²⁵ В греческой мифологии олицетворение северного ветра.

²⁶ Сравнение не очень удачное. Ивиковы журавли в греческой мифологии — свидетели убийства странствующего певца Ивика (VI в. до н. э.). При их появлении один из убийц издал возглас, который и обличил преступников.

тундрой, однообразный вид которой местами прерывается тупыми вершинами, напоминающими зубья пилы. Природы здесь никакой, а потому и описывать нечего — камень всякому известен. Единственно, о чем можно говорить, это о его породе, ну а последнее — уже дело геологии. Сейчас наблюдал интересную картину. К северу от нас тянется довольно большая подводная каменная гряда; в тихую погоду присутствие ее трудно обнаружить, она известна лишь по картам, но сейчас, в свежую погоду, при сильном прибое, появляется следующего рода явление: нагоняемая ветром вода встречает на своем пути сопротивление в виде скалы. По обыденным соображениям, волна, ударившись в нее, должна разбиться и отхлынуть обратно, но на деле этого не получается. Сила ветра настолько велика, что она не дает волне спастись, и поднятый водяной столб, около сажени высоты, с шумом, ревом, разбрасывая во все стороны миллиарды брызг, несется вихрем над каменной грядой на протяжении около полуверсты, и та, наконец, встретив на своем пути берег, целыми каскадами обрушивается на него. Причем сила удара настолько велика, что обламывает целые куски гранита. В общем это обыкновенный бурун, каких немало в Белом море и Ледовитом океане, но подобную мощь и красоту я вижу еще впервые. Жаль, что его нельзя было снять. Стояли довольно далеко, пробираться же по берегу — предприятие довольно рискованное, хотя я и собирался уже на последнее, но адмирал не пустил. Делать нечего, иду завтракать...

Пишу уже вечером. Четверть четвертого ушли от Орловского мыса — идем на Городецкий. Погода несколько стихла, хотя в море опять гуляет треклятая зыбь. Горизонт прояснился, а то было время, когда он снова стал затягиваться обычной тусклой мглой. Идем тихо, всего 7 узлов в час, через полтора часа должны снова стать на якорь. День прошел незаметно. По обыкновению ругался с адмиралом. Затем засели за шахматы, сыграли партии три. Засели за карты. Затем принялись читать взятого мною на дорогу Бальмонта, и тут же разругались насмерть, после чего разошлись по своим каютам, где и просидели вплоть до обеда, я — за чтени[ем] Дюма, адмирал — за своей английской лоцией. Пообедали мирно, хотя и не совсем. А.А. не мог удержаться от своей привычки кого-нибудь травить и обрушился на капитана, а тот по своему мирному характеру, не желая обострять разговора, встал и ушел из-за стола. Новый скандал — пришлось улаживать, мирить. Наконец, обед прошел мирно, а за чаем и в совершенно благодушном настроении... Оригинал этот А.А. — вот уж настоящая морская натура, бешеная, не

терпящая возражений, отчасти даже деспотическая, не даром я зову его «бураном». В общем же ведь крайне добрая личность, не любит он только выказывать этого и иногда, даже совершенно неуместно, напускает на себя суровость, от которой у многих душа в пятки уходит. Я же его не боюсь совершенно, и это его бесит, хотя, надо сказать, приятели мы на редкость...

В 8 часов вечера пришли к мысу Городецкому. Приехал на пароход смотритель, бывший почтово-телеграфный чиновник, некто Ш., личность во всех отношениях несимпатичная, с такими же качествами супругой. Подлец, нахал и доносчик — вот главные его нравственные черты, от которых страдает вся маячная отрасль Мурманского берега. Нет ни одного смотрителя, про которого эта чета не написала бы какой-нибудь клеюзы в Дирекцию, — это какой-то психоз своего рода. Мнит о себе, как, впрочем, почему-то и большинство почтово-телеграфных чиновников, Бог весть что. Послушаешь, так, пожалуй, окажется, что только и свету-то, что в нем. Режу я его обыкновенно на каждом шагу, иногда довольно жестоко... Сейчас сижу у себя в каюте и слышу, как его пушит за что-то адмирал, кажется, за последний его донос на своего соседа, — поделом... Не клеюзничай...

7/X

Вчера в 12 часов ночи ушли от мыса Городецкого, взяли курс к Святому Носу, куда и пришли сегодня в 6 часов утра. Святой Нос лежит на 68° 9' с. ш., и полярный день в этой широте продолжается с половины мая до половины июля. В тот рейс я видел это незаходящее солнце и могу сказать, что полуночный блеск его мало разнится от дневного, имея лишь несколько красноватый оттенок. Берег, идущий от Святого Носа до норвежской границы, тянувшийся на протяжении 220 итал. миль²⁷, наз. Мурманским, от слова Норман, или по норвежскому произношению — Нурман²⁸, и делится Кольским заливом на две части — западную или собственно Мурманский берег и восточную или Русский берег.

Скажу сначала несколько слов о Мурмане вообще, а затем уже перейду к частичному разбору его частей, жизни и населения. Самый берег представляет собою гранитный кряж, в образовании которого заметны следы движения и поднятия материка в виде трещины, оседания, террас и сдвигов громадных масс. Всё это почти лишено всякой

²⁷ Итальянская миля — 1,25 км.

²⁸ Рассуждения автора — типичный пример «народной этимологии». На самом деле в финно-угорских языках топонимы с корнем «мур» означают возвышенность у воды.

растительности. Кроме мха (ягеля) и видимого среди лета незначительного количества растений в виде кустарников — породы карельской березы, ютящихся среди расселин и скал, здесь трудно что-либо увидеть. По мере приближения к норвежской границе берега все более и более изрезаются вдающимися в материк заливами, принимающими характер норвежских фиордов, каковые мы видим, напр., в Вардэ. В губах, бухтах, заливах Мурмана ютятся поселки постоянных жителей его, колонистов и временные жилища приходящих на этот берег рыбопромышленников. Станы, почему и самые бухты называются становищами, вход в которые с моря обыкновенно уставлен большими деревянными осьмиконечными крестами. Расспрашивая о жизни на Мурмане самих поморян, удалось выяснить, что Мурманский берег исстари привлекал на лето промышленников с берегов Онежского и Кандалажского заливов, но постоянное заселение этого берега началось лишь в конце 60-х годов прошлого столетия, когда голод вынудил нескольких финляндских семейств поселиться в губах Земляной и Уре и заняться рыбными промыслами. Успех этих колоний привлек к себе впоследствии внимание правительства, и оно обставило заселение Мурмана некоторыми льготными условиями, субсидируя его материально, а также привлекая сюда и иностранцев, в большинстве — соседних шведов и норвежцев. В самой колонизации Мурмана наблюдается следующая особенность: норвежцы и шведы, стараясь как можно ближе быть к морю и промыслам, селились на самом берегу, русские же и отчасти финляндцы предпочитают места в глубине заливов, где можно было бы заниматься морскими промыслами и в то же время не разрывать связи с землей, напр., Териберка, Печеньга, Лица.

Что я могу сказать о климатических условиях Мурмана? Благодаря идущему от Мексиканского залива гигантскому теплотечению Гольфстрему, пересекающему Атлантический океан и обнимающему [исправлено обтекающему] берега Норвегии и сам Мурманский берег, гавани последнего в 3 верстах от Лицы (69° параллель) не замерзают никогда, и климат Мурмана несравненно мягче и умереннее климата внутренней части Кольского полуострова и берегов Белого моря. Так и теперь: мы имеем сведения из Архангельска, что там Двинский ледоход и полная зима — у нас же здесь тепло, и несмотря на половину октября и Крайний Север, ходишь свободно в одной тужурке и только в непогоде облакаешься в пальто. Вот в кратких основных чертах общая характеристика Мурмана. Резюмируя все сказанное, можно сделать еще один вывод: в общем это богатый край во всех

промысловых отношениях, но край совершенно не утилизируемый, не обрабатываемый, и вся его жизнь и деятельность впереди. То, что видим теперь на нем, не есть действительная жизнь, пробуждения которой можно было бы желать. Она во всяком случае не имеет общегосударственного значения. Это жизнь, круг деятельности частных предпринимателей, трудящихся из-за насущной копейки. Дело же здесь может развиваться совершенно иначе, нужно лишь организовать его, организовать сознательно, не на тех дутых началах, на которых обыкновенно зиждется у нас всякое мало-мальски имеющее общий интерес предприятие... Здесь же все к услугам промышленности — звериный и рыбный промыслы, разработка руд, которых здесь немало, в некоторых местах громадные залежи кварца, графита. О граните, сланце я уже не говорю — они составляют две трети всего каменного царства Мурмана... И все это спит и не дожидается той поры, когда по всем его отрогам и утесам проснется жизнь и своим громким кличем, призывом к культурной деятельности не огласит молчаливую угрюмость каменных утесов скал, заброшенных любимцев пока одного лишь шумного Северного океана.

Как я уже сказал выше, Святой Нос считается границей Белого моря с Ледовитым океаном, здесь же кончается Терский берег и начинается Мурманский. Огибая Святой Нос со стороны Белого моря, пароход пересекает мелкое, но опасное для судов волнение «сулой» (или «сувой»), происходящее от встречи течения из моря и океана, — вода здесь кипит и пенится. Старинные поморские предания говорят, что в отдаленное древнее время около этого мыса, в сувое водилась масса червей, которые проедали деревянные того времени суда — шняки, а потому прадеды поморов не рисковали переплывать, огибая Святой Нос, и перетаскивали свои суда через гору, в трех верстах не доходя до Носа, волоком на другую сторону ее в становище Лопское, пока, наконец, прп. Варлаамий Керетский не заклал этого червя, впоследствии исчезнувшего совершенно. Отсюда и название Святой Нос. Вот с этого-то пункта и открывается наше незамерзающее, свободное и просторное море — Ледовитый океан — эта широкая дорога во все части света без оговорок, без запрета, без застав и стеснений... Я не видел до сих пор океана и не знаю, не берусь судить, какое бы впечатление произвели на меня воды Великого, Атлантического, но наш северный океан я полюбил, он — наше могущество, он — воспитатель высоких душевных сил русского народа. При свежей погоде, когда ходит высокий «взвонень» и гремит, залетая мириадами брызг

Среди скал Мурмана (сидит С. Дементьев). 1910-е гг. Открытка изд. О.А. Адамовича. Из коллекции А. Сидорова

на прибрежные скалы, картина океана полна дивной красоты и величия... Она меняется, когда в теплый день или тихую солнечную ночь²⁹ океан сверкает, как зеркало. Промысловые суда, спустив паруса, плавно покачиваются на легкой зыби. Выются плачущие чайки, на берегу стонут гагары и от всей этой бессонницы природы веет прелестью какой-то чудной, волшебной сказки... А кругом раскидывается необъятная ширь и простор; глаз теряется в этой дали, и невольно приходит на память стихотворение Вейнберга³⁰:

[вписано Бесконечной пеленою]

Развернулось предо мною
Старый друг мой — море.
Сколько власти благодатной
В этой шире необъятной,
В царственном просторе...

Пишу эти строки, сидя в верхней рубке; сегодня хорошо, и яркое осеннее солнце, сияя на безоблачном бледно-голубом небе, ослепляет своим блеском преломляющихся в воде лучей, и переливы их, проникая через окна рубки, так и играют на столе, мебели, стенах, мешая писать своими дрожжками, перебегающими отражениями. Кругом тихо... Заглянул в открытую на палубу дверь — впереди бесконечная темно-голубая гладь воды

уходит куда-то в неизмеримую даль, где только вода и небо сходятся вместе, да в вышине, точно снеговая вершина гор, застыли причудливо нагроможденные облака. Южный ласкающий ветер, редкий гость на дальнем севере, проносится над морем, чуть-чуть касаясь глади воды, и точно нежит, ласкает ее. Вольный воздух несется навстречу пароходу, дышится легко полной грудью. Вот, купаясь в лучах солнца, пронзительно вскрикнула белая чайка и, широко распластав крылья, задрожала над морем, потом стремительно понеслась вниз, упала в воду, разбрызгивая ее в стороны, и долго белой точкой виднелась на глади вод... Почти бесшумно работает машина парохода, и только едва заметное дрожание его корпуса напоминает о нашем движении. Изредка подходит к борту кто-либо из команды и, остановившись, смотрит вдаль, где всюду царит одна свободная, могучая ширь... Пароход режет и разбивает гладь вод, поднимая волны. Они расплываются в стороны, струятся и переливаются, создавая своим движением какую-то тихую, убаюкивающую мелодию.

Час тому назад мы снялись с якоря и теперь идем к Семи Островам, в становище Харлово. На Святоносский маяк я не выезжал, интересного ничего нет; обычная надоевшая уже мне картина скал, нагроможденных друг на друга, провалы и трещины, перекинутые через них доски. Кругом тундра, и в самом центре — маяк, вот и все, на что тут предстояло любоваться. Да и стояли-то мы не

²⁹ Видимо, имеется в виду длинный полярный день.

³⁰ Вейнберг П.И. (1830–1908) — поэт, переводчик и литературовед. Лучшая не юмористическая вещь Вейнберга — «К морю».

долго, и в четверть 11-го уже снялись с якоря. Мои компаньоны, позавтракав, завалились по обыкновению спать, и я один, без помехи, любуюсь выданным на славу днем. Невольно в голове проносится мысль: куда-то только меня не толкала услужливая судьба. За сравнительно непродолжительный период времени мне удалось много где побывать, многое повидать, со многими познакомиться; вот теперь я на севере, да еще где — на Мурмане, о котором до сих пор, сознаюсь, имел довольно смутное представление; впрочем, особенно в вину я этого себе не ставлю, у нас вообще мало знают не только окраины, но даже и центральную-то Россию, мало интересуются, и совершенно напрасно... Думал ли я когда-нибудь, что придется плавать в Ледовитом океане? Нет, не думал, а если и мечтал когда об этом, то совершенно выбрасывал из головы мысль о северных водах, где наши военные суда никогда не бывают. Жалею ли о сложившихся жизненных условиях?.. Тоже — нисколько. В смысле интереса я, пожалуй, даже выгадываю, посещая места, где редко кому приходится бывать, остальное же, авось, еще успеем посмотреть, времени впереди немало. Однако я и расписался. Адмирал опять будет ворчать, что я извел все его чернила. Нужно приканчивать свою болтовню, день еще велик и до Харлова, куда мы прибудем не раньше 2-х часов, я еще успею побывать и во Франции в компании милых «Трех мушкетеров».

Пишу [*зачеркнуто* уже] ночью, сейчас уже 2 часа, только что вернулся из оригинального и довольно рискованного путешествия на Семиостровский маяк, но об этом дальше, пока зарегистрирую события дня. В 5 часов мы пришли в Харлову и стали на якорь. Вследствие благоприятной погоды можно было возить на берег груз. Встали от берега довольно далеко, хотя я и подумываю, чем это объяснить, подводных банок здесь нет, грунт дна — приличный. Ох, уж этот Александр Евграфович³¹, вечно у него опасения, вечно какие-то соображения, которыми он руководствуется в своих остановках. Команда по обыкновению ругалась, да и вполне резонно — далеко ездить, люди же устали, так как работали сегодня немало. Пришли же мы в полную воду, у берега прибой, следовательно, и грести довольно затруднительно.

Харловка — становище, расположенное среди островов, числом 7-ми, откуда и название их — Семиостровские. Первый и самый заметный по своей форме — круглый и высокий (270 ф.³²), как

бы расколотый на две части, остров Кувшин — лежит при самом входе в Семиостровскую бухту. К западу от него идут острова: Вишняк, два острова Зеленца и остров Харлов, против устья р. Харловки, на которой расположены пологие, с русской церковью, станы и погост Лавозерских лопарей. Остальные два острова должны быть отнесены к группе Лицких островов, и почему и название описываемой группы было бы вернее Пятиостровье. Становище Харлово, по рассказам, было когда-то самым многолюдным на Мурмане, но в настоящее время из-за отсутствия в этих местах наживки (мелкая рыбешка, на которую ловят треску и семгу) оно совершенно опустело. На острове Харлов, представляющем громадную гору, почти перпендикулярно поднимающуюся в высь и как бы расколотую на две части широкой ложиной, построен маяк...

В 9-м часу вечера, когда почти весь груз свежен, штурман передал мне, что на маяке есть больная — жена смотрителя, и что меня просили туда выехать. Думал сначала отложить свою поездку до утра, во-первых, была страшная тьма и взбираться на неприступные высоты было не особенно-то легко, к тому же не пускал сначала и А.А., но по обдумыванию все же решил поехать и, попросив не поднимать карбаса, оделся, спустился по шторм-трапу и в сообществе Василия Ивановича и 8 гребцов покатил на мерцавший на берегу огонек, это смотритель указывает место бухты, куда можно было подойти... Начиная отлив. Кроме того, поднявшийся ветерок развел волну даже в заливе, в силу чего течением нас отнесло далеко в сторону, ничего не было видно, и только огоньки «Савватия» ярко сверкали среди окружавшего мрака. Было довольно холодно, и я курил папиросу за папиросой, лишь бы только согреться, хотя бы и этим тлеющим огнем. После получаса упорных усилий подошли к берегу, от которого нас отбрасывала отливная волна. Мы, наконец, удачно достигли своего конечного пункта, и карбас, врезавшись в груды камней, неподвижно остановился у берега, не дойдя до него около 2-х сажен. Пришлось выбирать на сушу на спинах команды, иначе переправу обставить не представлялось возможности... Вот я и на берегу; ноги уходят в снег по колено, пока я добираюсь до ведущего наверх трапа; но, Боже мой, что это за крутиз[на — *оборван угол листа*], что за высь; вот уж, подлинно...

На этом месте машинопись обрывается.

³¹ А.Е. Рубинштейн — капитан «Савватия».

³² Фут — 30,48 см.